

НАКАЗАНИЕ: К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ

В. Д. ПЛАХОВ

ПЛАХОВ Владимир Дмитриевич - доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. А. Герцена (С. -Пб). E-mail: plahovv@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи - рассмотреть наказание как социокультурный феномен, предложить его классификацию.

Ключевые слова: пенитенциарная социология * наказание * управляющее воздействие * коррекция поведения * воспитание * социальный контроль * классификация наказания

К постановке проблемы автора побудили два обстоятельства. Во-первых, появление в современной отечественной социологии исследований (правда, по числу крайне незначительных) по пенитенциарной тематике¹; во-вторых, существование достаточно популярного жанра, который можно определить как социографию, посвященную проблеме правонарушений и реакции общества на них. Данная тематика в России, имеет давние литературно-публицистические и кинематографические традиции. В социографическом жанре написаны весьма различающиеся по стилю и объёму сочинения С. Семилужского, А. Свирского, С. Максимова, П. Якубовича (Л. Мельшина), В. Дорошевича, В. Шаламова, А. Солженицина, Л. Разгона и др. Они красноречиво свидетельствуют не только о существовании весьма специфической сферы общественной жизни, которую призвана изучать *социология права* как научная дисциплина, имеющая прикладной и теоретический аспекты и, соответственно, подчеркнуть необходимость ее развития как в прикладном, так и в теоретическом направлении. Эта проблема развивается в тесной связи с криминологией (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Ф. Лист, И. Я. Фойницкий, М. И. Гернет, А. А. Гершензон, И. С. Ной и др.).

В нашем представлении, *наказание как социокультурный феномен* имеет сложную тысячелетнюю историю - (Сократ, Платон, Кант, Гегель, Фихте, Беккарий, к которым следует добавить еще религиозные учения - Моисей, Мухаммед и др.). Этот феномен возникает и существует вместе с человеческим обществом и на протяжении всей истории используется как инструмент, средство социальной организации; его и необходимо рассматривать в качестве экзистенциальной постоянной, не забывая, однако, что в определенных исторических и культурных условиях оно необходимо обретает достаточно специфические формы. Рассматривая *наказание как средство*,

стр. 41

¹ См. напр.: *Елеонский В. А.* Отношение осужденных к наказанию. Рязань; 1976; *Алферов Ю. А.* Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных. Домодедово, 1994; Воспитательно-трудовые колонии: возможности радикальных преобразований. Сб. науч. трудов. М., 1992 и др.

инструмент упорядочения социальных отношений, управления поведением человека, обратимся к категории - "управляющее воздействие"².

В любом обществе управляющие воздействия осуществляются, какими бы многообразными с точки зрения культурной феноменологии они ни были, в границах "можно - нельзя" (синонимы: "разрешено - запрещено", "хорошо - плохо", "приемлемо - неприемлемо", "допустимо - недопустимо", "открыто - закрыто" и др. Культурные лексические аналоги: "добро - зло", "благо - грех", "положительно" - "отрицательно" и др., метафоры: "рай-ад", "бог-дьявол"). В теории информации эти границы представлены в образе "бита": 1 - 0 (да-нет). Но если в неживой природе управление представляет собой объективный процесс, полностью подчиненный кибернетическим законам, в обществе, в котором живут и действуют люди, наделенные сознанием и психикой, *управление субъективным поведением*, дополнительно обусловлено смыслами и психическими способностями субъекта, и то, что представлено семиотической фигурой "можно - нельзя", есть на самом деле ни что иное как форма ментального управления человеческим поведением, но опять же, подчеркнем, по все той же информационно-кибернетической формуле "1 - 0" (разрешение-запрет). Таким образом, мы вправе заключить, что управление социальными объектами и субъектами осуществляется (на онтологическом уровне) объективными по своей природе законами. Однако по мере вмешательства и участия в процессы социального управления человеческих разума и психики это управление обретает уже новое качество: "слепая необходимость" трансформируется в "осознанную необходимость", что и находит свое реальное воплощение, в частности, в феномене "должное". Человеческое поведение - это "должное поведение". Именно такое поведение имеет место на экзистенциальном уровне структурной иерархии общества и сопряжено оно с субъективной волей (человеческой психикой и сознанием). В природе нет "должного" поведения (если это не метафора).

Другим экзистенциальным основанием человеческого поведения является "свобода". *Должное поведение* имеет неперенным своим условием *субъективную свободу*, которая реально измеряется *степенью свободы*. Связь человеческого поведения с человеческим сознанием и психикой проявляется, однако, не только в субъективном осознании *должного* (должного поведения), но и в осознании субъектом *ответственности за свои поступки и действия*. И вышеназванное управляющее воздействие адресуется в обществе не только "долгу", но и "ответственности", с чем, собственно, и связано непосредственно *наказание как средство управления человеческом поведением, как вид управляющего воздействия на социосистемном уровне*: "... Управляющими воздействиями являются ... поощрение, наказание и воспитание" [1, с. 370]. Таким образом, наказание, точно так же как и поощрение, есть экзистенциальная трансформация "управляющего воздействия". И установив этот факт, мы более отчетливо можем представить сложные закономерности на сей раз социального (именно социального!) управления человеческим поведением, а в более общем плане - средства (инструмента) коррекции социальной организации в целом.

Наказания, принятые и используемые в обществе. Наказание³ можно и должно рассматривать как диалектическую противоположность *поощрению*, хотя то и другое (наказание и награда) в реальности служат комплементарными (взаимодополняющими) функциональными инструментами; наказания и поощрения призваны обеспечивать не только определенный социальный порядок, но и социальную организацию, воплощенную и представленную в конкретной культуре. Все это, с онтологической точки зрения, означает, что наказание включает имплицитный смысл барьера, преграды

² Для решения задач управления важно различать два типа входных величин: *управляющие* и *возмущающие* воздействия. К управляющим относятся такие величины, значениями которых можно распоряжаться при управлении системой и которые можно изменять с целью осуществления движения, предпочтительного по сравнению с другими возможными движениями управляемой системы... К возмущающим воздействиям относятся остальные существенные воздействия на систему [1, с. 34].

³ Будем отличать от "системы наказания" в законодательстве (норма, уголовное, административное: срок, мера, исполнение и др.)

бесконечным отклонениям в организации и состояниях системы общество, которые как "возмущающие воздействия" ведут к отклонениям, генерирующим в конечном счете системную энтропию (беспорядок, хаос, дезорганизацию) социального бытия. Социальная функция наказания, таким образом, является охранительной (охранной, защитной), а наказание с социологической точки зрения является атрибутом социальной организации.

О социально-атрибутивной природе наказания свидетельствуют исторически самые ранние этосные установления, получившие оформление еще во времена язычества (остракизм в Древней Греции), а затем, позднее, в религиозном догмате. Так, если говорить о христианстве, то во второй Моисеевой книге "Исходе" целый ряд глав и параграфов посвящены теме наказания. Уже § 1 22 гл. "Исхода" гласит: "Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола, и четыре за овцу". А 6-й параграф содержит такой текст: "Если появится огонь и охватит терн, и выжжет копны или жатву, или поле, то должен заплатить, кто произвел сей пожар". На еще более жестокое наказание указывается в § 15 21 главы: "кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти". И далее не менее категорический императив: "Кто украдет человека и продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти". Перечень наказаний, содержащийся в Библии и в других религиозных кодексах, можно продолжать, но важно осознать назначение наказаний, как инструмента утверждения и сохранения определенного социального порядка.

Если прибегнуть к терминологии Ю. Хабермаса, наказание есть *инструментальное социальное действие*, что в свою очередь включает признание его функциональной природы. В современной социологической литературе распространено мнение, что *наказание - это функция института социального контроля*. Отнюдь не оспаривая эту точку зрения в принципе, мы тем не менее склонны рассматривать феномен наказания более широко, поскольку существует целый ряд видов наказания, не поддающихся не только институционализации, но и вообще какой-либо формализации.

Феноменология наказания. Накопленный веками, а то и тысячелетиями опыт позволяет нам сейчас *договориться о социологической классификации наказаний*, определяющей некоторым образом их феноменологию.

Наказания в целом могут быть разделены на физические и моральные, а также психические (I), аксиоморфные - материальные и духовные (II), официальные и неофициальные (III), правовые или юридические (формализованные) и нравственные (неформализованные) (IV), дидактические (педагогические), пенитенциарные, фатальные (V), институционализированные и неинституционализированные (VI). Рассмотрим все эти классы подробнее.

I. *Физические, нравственные*, а вместе с ними и *психические наказания* имеют место во всей человеческой истории и практически во всех культурах: общеизвестны розги, бичевание, отсечение конечностей, распятие, расстрел и др. Физические наказания феноменологически варьируются в связи с социальными условиями, этническими особенностями, религиозными представлениями и пр.

Сложнее обстоит дело с *моральными наказаниями*, также строго привязанными к обществу с его специфическими закономерностями. Так, в ранних брахманистских, буддийских и джайнских текстах можно встретить понятие "папа" - (*papa* [санскр.] - дурное, зло, его накопление приносит горечь). В христианстве широко распространены многочисленные формы *страдания как наказания*, причем именно в моральном смысле, связанные с греховностью. Символом такого ("вечного" страдания) в Библии выступает Иов. Нравственные страдания, как их обычно называют, во многих религиях вообще трактуются как наказание, Божья кара. Среди многочисленных форм психического наказания на первое место безошибочно можно поставить *страх*. В Библии (Ветхий Завет) содержатся неоднократные указания на то, что страх есть следствие нарушения божественных заповедей.

Обратив внимание на множество научных и ненаучных интерпретаций *стыда как психического состояния* (психической реакции) человека, А. Е. Митько и В. И. Дружи-

нин отмечают, что все эти интерпретации "содержат существенно общий признак -эмоциональное неодобрение (санкция) при нарушении нравственной нормы (обязанности) на поведенческом уровне", то есть видом психического наказания служит *стыд* [2, с. 478]. Трудности научного объяснения *наказания в психических формах*, вызваны сугубо индивидуальным характером последних. Действительно, каждый человек "по своему" переживает допущенные промахи в своем поведении: одни воспринимают все "близко к сердцу", другим все "легко сходит с рук", одним стыдно за себя или за других, иные же легко и быстро успокаивают себя и не занимаются самобичеванием: "угрызения совести" их не мучат.

II. Многочисленные *аксиоморфные наказания* имеют целью ограничить доступ субъекта (субъектов) к материальным и духовным ценностям. Широко распространенным аксиоматериальным наказанием является *штраф* (денежный): "мера материального воздействия, применяемая в случаях и порядке, установленных законом или договором" [3, с. 684]. Примерами *аксиодуховного наказания* могут служить лишение званий, наград, доступа к духовным ценностям, ограничение сферы общения (ссылка) и др.

III. Наказания могут быть *официальными* и *неофициальными*. К первым относятся, в частности, наказания, санкционированные государственными органами (судом, администрацией и пр.), полномочными лицами (самодержцами, церковными иерархами и др.). Это могут быть лишение свободы на определенный срок, исправительные работы, денежный штраф, отстранение от занимаемой должности, предание анафеме; наказания в соответствии с культурными обычаями и традициями, а также негативное (отрицательное) общественное мнение, например, "людская молва", "слухи", влияющие на снижение репутации, распространение карикатурного имиджа, народное проклятие, недобрая память и пр. В высшей степени серьезной социальной и научной проблемой при рассмотрении вопроса о неофициальном и официальном наказании является связь и соответствие того и другого видов. Широко известны многочисленные, вошедшие в историю культур случаи как их совпадения, так и вопиющего расхождения. Тут достаточно вспомнить факт предания анафеме официальной русской православной церковью Л. Н. Толстого - гениального писателя, великого правдоискателя, в широких массах русского общества снискавшего всеобщее сочувствие и безграничное уважение.

IV. Разделение наказаний на *правовые* (юридические) и *нравственные* - результат вступления человечества на путь цивилизованного развития. Отличительной особенностью правовых наказаний является их узаконивание в юридических документах и благодаря этому сравнительно четкая формулировка, в связи с чем вполне допустимо говорить о них как о формализованных. Нравственное наказание отличается от правового (юридического) неформализованностью, вариативностью и, следовательно, большей неопределенностью, хотя и является неперенным элементом культурного этоса. Примечательной чертой нравственного наказания служит глубокая (как правило, более глубокая, чем в случаях юридического наказания) связь с психическими (в чрезвычайно разнообразных и индивидуально окрашенных вариантах) переживаниями субъектом своей вины. Констатируя очень важный факт корреляции и юридических (правовых), и нравственных наказаний с культурой, а последних еще и с индивидуальными личностными особенностями (психическим складом, воспитанием и т.д.), нельзя не отметить вместе с тем насущную необходимость научного анализа такой корреляции, анализа, который, надо признать, пока еще не занимает должного места в специальных исследованиях. Примером скоррелированности нравственного и правового наказания с культурой может служить тот же древнегреческий ostracism (применяемый в Афинах и еще некоторых городах).

Особую группу в данном виде занимают *противоправные наказания*. Они осуществляются, как правило, в мафиозной среде, преступных кланах, между отдельными индивидами, сводящими "личные счета" в формах "мести", "возмездия", "разборки", "воздаяния по заслугам" и т.п. Наказания такого рода осуществляются в рамках этно-

са как специфические нравственные "понятия" и санкционируются обычаем (традицией), правилами культуры (субкультуры).

V. Разделение наказаний на *дидактические* (педагогические), *пенитенциарные* и *фатальные* означает по существу их разделение по форме реализации (исполнения). Дидактические наказания, встречающиеся практически во всех культурах, используются как средство организации поведения субъекта (главным образом ребенка, детей) в направлении, требуемом в данном социуме (семья, коллектив, клир и пр.), естественно, в строгом соответствии с особенностями культурной среды в целом. Дидактические наказания отличаются сравнительной мягкостью, спорадичностью, парциальностью, расчетом на возможность исправления допущенного отклонения, коррекции осуждаемой девиации (обычно о последней говорят как о проступке). Уже по своему изначальному смыслу (греч. *didaktikos* - поучающий, относящийся к обучению) дидактическое наказание выступает как неременный и, надо прямо признать, органичный элемент воспитания; в повседневном опыте - это его мера или средство.

Пенитенциарные наказания утвердились в истории цивилизации сравнительно поздно. Первоначально они возникают в Западной Европе в XVII в., затем получают широкое распространение в Соединенных Штатах Америки и значительно позднее в России. Особенность пенитенциарного наказания двоякого рода: с одной стороны, оно включает моменты репрессии (лишения свободы и содержания в заключении со всеми вытекающими отсюда следствиями: полная или частичная изоляция от общества, сенсорная депривация, психические состояния дискомфорта, страха, озлобления, стыда и т.д.), но с другой, - допускает ресоциализацию осужденного и ориентируется на его перевоспитание (лат. *poenitentiarius* означает "покаянный, исправляемый"). Пенитенциарные наказания базируются на принципах гуманизма и научной антропологии, психологии и социологии и вместе с тем на нормах уголовно-исполнительного права, имеющих место в отдельных культурах и в отдельные исторические эпохи. Что касается России, то здесь, особенно в последние десятилетия XX в. - начале XXI в. развивается особая самостоятельная дисциплина "пенитенциарная антропология" [4].

"Фатальные" наказания - это явления и процессы, которые воспринимаются субъектом в одних случаях как необъяснимые, в других как неотвратимые, но всегда оказывающие на жизнь человека, а то и целых сообществ сугубо негативное действие. Тут уместно вспомнить ситуации: "кара божья", "бес попутал", "беда приключилась", "от лиха не уйдешь", "адские муки" и др. Примерами фатальных, практически неподдающихся перечислению наказаний могут быть и стихийные бедствия (ураган, наводнение), и смерть (несчастный случай, нечаянное убийство), и болезнь, и пожар, и неверность близкого человека и др.

VI. *Институционализированные* и *неинституционализированные* наказания разделяются в связи с субъектом их реализации. В первом случае в качестве субъекта назначения, определения и исполнения наказания выступают социальные институты. Суд, тюрьма, исправительно-трудовой лагерь, полиция, персонал надзирателей, спортивные судьи, инквизиция, пеноучреждения, осуществляющие многообразные функции по наказанию виновных, т.е. лиц, ставших объектом наказания (необходимо подчеркнуть, совершенно категорически) со стороны общества. Именно общества, поскольку все институты репрессии суть сугубо общественные учреждения иного не может быть, как говорится, "по определению".

Неинституционализированные наказания весьма существенно превосходят по числу своих форм и методов. Это наказания по обычному праву, т. е. в силу обычая и на основе утвердившейся в данной культуре традиции (например, кровная месть); это семейные аксиоматериальные или аксиодуховные, а при определенных обстоятельствах те и другие одновременно, наказания провинившегося члена семьи (например, отказ в наследстве), это наказания со стороны неформальной группы своего участника (например, в виде группового обсуждения и неллицеприятных оценок поведения).

"Средство наказания" и "объект наказания". Рассмотрим являющиеся по своей общей природе глубоко социальными и заключающимися при научном исследовании

ярко выраженный социологический аспект феномены. Понятно, что в качестве "объекта наказания" может выступать как отдельная личность, так и группа людей. А что касается "средства наказания", сразу подчеркнем, что это сложный социальный процесс, имеющий специфические материально-технические и идеально-психические компоненты, обусловленные особенностями и закономерностями культуры и исторического времени: например, остракизм, казнь "аутодафе" в Испании и Португалии в XIII-XV вв. и позднее, казнь на гильотине во времена Великой французской революции.

Наказание как социокультурный процесс непременно предполагает инициацию и иницирующим фактором всегда выступает человеческая провинность - субъективное поведение, расходящееся с социальной нормой (законом, приказом, обычаем, традицией, требованием, указом и т.д.), т.е. отклонение в формах, осуждаемых сообществом, расцениваемых в данной культуре как чуждые ей, квалифицируемых в общественном мнении как источник нарушения сложившегося или установленного порядка. *Вина* есть причина, а *наказание* - следствие. И такая связь вины и наказания должна быть представлена как симметричная: вина должна быть наказана, наказание не может быть без вины, наказание инициируется виной, под которой подразумевается во всех случаях отклонение, вызывающее в социуме дезорганизацию со всеми ее отрицательными последствиями. Вина - это отклонение⁴, покушающееся на утвердившийся и легитимированный, а в ряде случаев - легализованный общественный уклад. Соответственно, субъект отклонения рассматривается как "виновный", "виновник", а в более "тяжелых" случаях - как "преступник"; он, субъект отклонения, и служит во всех случаях "объектом" наказания.

С точки зрения социологии, "виновный" ("виновник") и его вариации - "преступник", "этопат", "девиант" и т.д. есть не что иное как обозначения социального статуса личности, который она занимает вследствие допущенного отклонения (отклонений); этот (такой) "статус личности" легитимируется обществом и в целом ряде случаев санкционируется особым социальным институтом - судом, церковным собором, консисторией и др. В свою очередь, названный (также "присужденный") статус детерминирует, с одной стороны, отношение общества к "виновному", а, с другой, - отношение "виновного" к обществу. И что касается отношения общества к "виновному", то оно, являясь, что необходимо особо подчеркнуть, сугубо социальным, находит свое реальное воплощение в процессе осуждения и наказания, причем с вполне определенной целью - купирования отклонения и по возможности недопущения такого отклонения в будущем или недопущения распространения отклонения в дальнейшем.

В этом заключается **социальное назначение наказания**, которое реально осуществляется в чрезвычайно разнообразных формах и весьма разнообразными методами, но в органичной связи с историческим временем и особенностями культуры. Это хорошо видно на примерах борьбы инквизиции с "ведьмами" в средние века в католических странах Европы, или борьбы с "врагами народа" - в первые десятилетия советской власти в СССР.

Наказание, оставаясь при всех условиях социальным (социокультурным) феноменом, органично связано с другим социальным феноменом, также подлежащем социологическому осмыслению, - *осуждением*. В русском языке, русской культуре "осуждение" включает по крайней мере два важных для нас смысла: во-первых, меры вины, измерения степени виновности, во-вторых, служит синонимом наказания [5, с. 903]. Обратим внимание на первый смысл, он напрямую связан с закономерностями познания, гносеологией и эпистемологией: определение степени виновности как и вообще факта вины есть акт (процесс) познания, который осуществляется либо особым социальным институтом (следственными органами, прокуратурой, судом и т.д.), либо в форме общественного мнения, субъектом которого может быть "толпа", "публика", "односельчане", "конгрегация", "секта" и др. Но всегда субъект познания устанавли-

⁴ В современной науке (социология, педагогика, этология и др.) такое отклонение именуется "девиацией" (в криминологии - "преступлением", "делинквенцией", в науке этике - "этопатией", в психологии личности - "аддикцией").

вает факт отклонения от нормы и степень (меру) этого отклонения. Именно в этом заключаются цель (назначение), содержание дознания и установление виновности (вины) как факта социальной жизни, "социального факта" (Э. Дюркгейм). И тут встает остающийся всегда актуальным и неизменно острым вопрос о *справедливости наказания*.

В основании понятия "справедливость", являющегося общечеловеческим и присущим различным культурам, лежит принцип равенства. "Благодаря всеми признанной справедливости, охватывающей различные культуры и эпохи, - пишет профессор Тюбингенского университета О. Хёффе, - о человечестве в целом можно говорить как о сообществе справедливости. Общечеловеческое начинается с принципа равенства: одинаковые случаи следует рассматривать одинаковым образом. Как в его негативном виде, запрете произвола, так и его позитивном виде, заповеди беспристрастности, он требует рассматривать спорные случаи невзирая на лица. В этом смысле изобразительное искусство представляет первичную справедливость, богиню Юстицию, с повязкой на глазах. Мужчина или женщина, богатый или бедный, могущественный или слабый - беспристрастность первого уровня, беспристрастность применения правил, гласит, что с каждым нужно обращаться согласно принципу: перед законом все равны. Для решения следующей задачи - точно *отмерить каждому ему полагающееся* (курсив мой - **В. П.**) юстиция часто держит в руке весы. А меч символизирует ее двойное предназначение, как защищать, так и наказывать" [6, с. 11 - 13]. Таким образом, справедливость изначально имеет в своем основании измерение отклонений в человеческом поведении, означающее мерное или оценочное познание. Соответственно, наказание выступает как субъективная реакция социального субъекта, реакция, происходящая в ее культурных формах, на отрицательное (нежелательное, запрещенное, деструктивное, что обычно выражается в терминах: "зло", "вред", "преступление", "грех" и т. п.) отклонение, в идеале, а если оставаться на реальной почве, то следует сказать, по возможности в эквивалентной степени (мере) самого отклонения, при том, что измерение последнего, осуществляемое субъектом, опять же отличается сугубо культурными характеристиками⁵. Именно такую мерную природу имеют уже первые законы Дигест, легших в основание всех правовых систем цивилизованных государств, - "Свода гражданского права" (*Corpus Juris Civilis*), учрежденного римским императором Юстинианом: "Ни с кем не поступай несправедливо" (*Alterum non laedere*) и "Воздавай каждому должное" (*Suum cuique tribuere*). Справедливость, как мы видим, является важнейшим требованием к наказанию, сохраняющимся на протяжении тысячелетий. И можно с полной уверенностью заявить, что это требование не потеряет свою силу и в будущем. В справедливости находит свое выражение принцип симметрии вины и наказания. Однако поиск этой симметрии и со стороны социальных институтов (суд, инквизиция и пр.), и со стороны "доксы" сопряжен во многих случаях с серьезными как гносеологическими, так и социально-политическими, а также моральными преградами [8].

В числе многочисленных средств и одновременно, на наш взгляд, видов наказания заметное место занимает *тюремное заключение*. В нашем представлении тюрьма есть, во-первых, специфическая социальная организация, во-вторых, место функцио-

⁵ В трудах известного шведского исследователя генезиса европейского права Э. Аннерса говорится о *принципе эквивалентности*, лежащем в основе правосудия. "... В греческом языке, - пишет Э. Аннерс, - отсутствует соответствующий эквивалент для латинского слова "jus" (право), которое не может быть переведено греческим словом "nomos", соответствующим латинскому слову "lex" (закон). Здесь даже невозможно употребить термин "to dikaion", означающий "справедливость". Право как таковое представляет собой комплекс этических правил, воплощенных в понятии "to dikaion" (справедливость). Правосудие в Афинах характеризовалось представлениями о справедливости и законности, зиждившихся на принципе эквивалентности. Обвинение и контробвинение должны фигурировать в суде в качестве равноправных, равноценных категорий. Аристотель выразил эту мысль в своем трактате об этике ("Этика"); при этом он попеременно употреблял термины "ison" (такой же, одинаковый) и "epikeia" (законность, справедливость). Результатом правосудия всегда должна быть справедливость" [7].

нирования криминальной субкультуры, в-третьих, особый мир, существующий (живущий) по особым законам. Но это уже проблемы *исполнения* наказания. В этом аспекте могут быть рассмотрены и другие виды: колония, каторга, ссылка, поселение и др. Все выше рассмотренное позволяет сделать предположение, что в социологии права начинает складываться новое направление, которое можно было бы назвать *пенитенциарной социологией и пенитенциарной психологией*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лернер А. Я.* Начала кибернетики. М., 1967.
2. Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001.
3. Большой юридический словарь. М., 2001.
4. См.: *Литвишков В. М.* Пенитенциарная педагогика. М., 2004; *Сочивко Д. В., Литвишков В. М.* Пенитенциарная антропология. М., 2006 и др.
5. Словарь русского языка. Т. II. 1958.
6. *Хёффе О.* Справедливость: Философское введение. М., 2007.
7. *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996.
8. См.: *Дикаев С. У.* Цели уголовного наказания и критерии оценки эффективности уголовного закона // Юридическая мысль. СПб., 2008. N 5.